

«Кодекс чести» как доминанта эмотивной лексики в англоязычном романе Чингиза Абдуллаева «Доблесть великанов»

'Code of Honour' as a Dominant Emotive Lexicon in Chingiz Abdullaev's English-Language Novel 'Valour of Giants'

Ульвийя Аббасова ¹

Ulviyya Abbasova

¹ Azerbaijan State Oil and Industry University

20 Azadliq Avenue, Baku, Azerbaijan

DOI: 10.22178/pos.108-26

LCC Subject Category: PE1001-1693

Received 26.08.2024

Accepted 28.09.2024

Published online 30.09.2024

Corresponding Author:

u.abbasov.a@asoiu.edu.az

© 2024 The Author. This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Аннотация. Статья посвящена исследованию эмотивной лексики в англоязычном романе Чингиза Абдуллаева «Доблесть великанов» с акцентом на концепт «Кодекса чести». В работе рассматривается, как эмотивные слова, такие как «доблесть», «честь» и «слава», влияют на формирование образа главного героя – Дронго, а также на общее восприятие текста. Авторы анализируют эмотивную семантику, используя методы лексикографического и контекстуального анализа, что позволяет выделить ключевые эмоциональные значения и их отражение в диалогах персонажей. Исследование также включает сравнительный анализ оригинального текста и его английского перевода, что позволяет выявить трудности перевода и потенциальные потери эмоциональной нагрузки. Результаты работы подчеркивают важность эмотивной лексики как средства моделирования мироощущения автора и создания глубокой эмоциональной связи с читателем. Статья вносит вклад в изучение связи между языком и литературой, а также в понимание роли эмоций в художественном дискурсе.

Ключевые слова: антропоцентрический подход; концепт; художественный перевод; контекстуальный анализ; эмоциональность текста; художественный дискурс.

Abstract. The article is devoted to the study of emotive vocabulary in Chingiz Abdullaev's English-language novel 'Valour of Giants' with a focus on the concept of 'The Code of Honour'. The paper examines how emotive words such as 'valour', 'honour' and 'glory' influence the formation of the image of the main character Drongo, as well as the general perception of the text. The authors analyze emotive semantics using lexicographic and contextual analysis methods, which allows them to identify the key emotional meanings and their reflections on the characters' dialogues. The study also includes a comparative analysis of the original text and its English translation to identify translation difficulties and potential loss of emotive load. The results highlight the importance of emotive vocabulary in modelling the author's worldview and creating a deep emotional connection with the reader. The paper contributes to the study of the relationship between language and literature and the understanding of the role of emotions in fiction discourse.

Keywords: anthropocentric approach; concept; artistic translation; contextual analysis; emotionality of the text; artistic discourse.

ВВЕДЕНИЕ

Ряд современных учёных-лингвистов [4–6] такие слова, как «доблесть», «слава», «достоинство», «честь» и аналогичные по содержанию в один голос относят их к эмотивной лексике. В связи с таким однозначным решением, мы и рассматриваем «Кодекс чести» как понятие нравственно-этическое, в максимальной степени приближённое к этому разряду лексики. Показать, какое это имеет реальное значение по отношению к действиям главных героев заявленного романа – центральная задача настоящей статьи.

Однако первоначально представляется целесообразным сказать несколько слов о наиболее значимых теоретических положениях, связанных с функционированием искомой для нас лексики. Выясняется, что диапазон эмотивной лексики в «Доблести великанов» настолько широк и многообразен, что позволяет чётко развести её по обе стороны. Другими словами, эмотивную семантику можно распределить по крайним полюсам основных значений с помощью метода антитезы. Самое главное, что в этом произведении эмотивные смыслы добавляют очень важный штрих к образной текстовой лексической парадигме. Последняя же, в свою очередь, является разновидностью текстовой парадигмы и представляет собой актуализированный в тексте фрагмент ассоциативно-образного узусально-семантического поля. Эмотивные смыслы в романе объединены общностью образно-ассоциативного и предметно-понятийного содержания. Объединение этих признаков свидетельствует о типовом образном представлении об определенном концепте.

Поэтому прежде чем мы непосредственно перейдём к анализу концепта «Кодекса чести» как составляющей эмотивной лексики, заблаговременно отметим следующий факт: в современной азербайджанской, русской и европейской филологической науке уже накоплен некоторый опыт в методике описания текстовых лексических парадигм, в той или иной степени актуализирующих типовое общезыковое образное представление. Это становится в особенности заметным при указании на характерные примеры из художественной литературы. В данном направлении лингвостилистики реализован системный лексико-центрический подход к тексту как форме коммуникации, который отличается

интегративностью и регулятивностью. Этот подход, в свою очередь, тесно связан с ассоциативной деятельностью адресата, на основе которой создаётся представление о концептах текста в целом, включая разнообразные образно-эмоциональные средства, формирующие смысл произведения.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании использовался качественный лексикографический метод, который позволяет подробно анализировать эмотивную лексику в художественных текстах. Основным объектом анализа стал роман Ч.Абдуллаева «Доблесть великанов». В процессе работы были выделены ключевые эмотивные лексемы, связанные с концептом «Кодекса чести», а также проведён сравнительный анализ их семантики в оригинальном тексте и его английском переводе. Для этого использовались лексикографические источники и специализированные словари, позволяющие точно интерпретировать значения рассматриваемых слов.

Также применялся метод контекстуального анализа, который включает изучение эмотивной лексики в контексте текстовых фрагментов. Это позволило выявить особенности использования эмотивных слов и их влияние на характеристику персонажей, а также на формирование общей атмосферы романа. Дополнительно проводился анализ диалогов персонажей для определения динамики эмоционального взаимодействия и формирования образа главного героя, Дронго. Таким образом, данное исследование базируется на сочетании лексикографических и контекстуальных методов анализа, что обеспечивает более глубокое понимание эмотивной лексики в рассматриваемом произведении.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существо дела заключается, на наш взгляд, в том, что эмотивная лексика в художественном произведении определённо моделирует картину мира автора. Оказывается, в «Доблести великанов» есть разветвлённая сеть, в которых репрезентация текстовой лексической парадигмы отражает метафоризацию тех или иных признаков. И они несут заряд такой мобильной силы по признакам пози-

тивных и негативных оценок, что, во-первых, укладываются в визуальные типовые образные представления, сформированные на основе метафоризации в английском языке. Во-вторых, на примере отдельных фрагментов романного текста появляется реальная возможность параллельно указать на качество англо-язычного перевода при анализе лексем с противоположной коннотативной окраской.

Например, если «Кодекс чести» как свод моральных правил поведения личности разобрать на отдельные компоненты, то в аспекте выделения эмотивной лексики можно выделить показательные образцы фрагментов текста, в которых проявляются самые лучшие качества характера главного действующего лица – Дронго.

Что же это качества и какой эмотивной лексикой они сопровождаются? Прежде всего это: категоричность суждений, предельная строгость, высокий профессионализм, принципиальность, чёткое соблюдение моральных норм и т.п. Центральными эмотивными смыслами в анализируемом концепте считаем в структуре персонажа его «веру», «убеждённость». В основе этих сквозных образов, переданных Ч. Абдуллаевым, лежат образные представления, основанные на идее духовной силы человека, его стойкости, уверенности, выносливости, смелости, решительности. Основанием образно-эмоциональной ассоциации здесь выступают такие качества «Кодекса чести» Дронго, как терпение, настойчивость, выраженное в принципиальности суждений, с одной стороны, и сопротивляемости своим врагам – с другой стороны.

Симптоматично, что приведённая и аналогичная тому эмотивная лексика, своеобразно отражающая «кодекс чести» в понимании главного героя, не вырабатывается с годами (в лучшем случае эти качества характера только усиливаются и закрепляются в сознании личности). Это исконно природное начало, и эталоном суровости, непреклонности в сочетании с чувственностью, эмоциональной отзывчивостью выступает некий твёрдый предмет (в подтексте Ч. Абдуллаева – «железная воля», камень, кремень, гранит, плита), метафорически опозитивированный в образе веры, правоты своего дела. Причём, твёрдость воли как, безусловно, положительное свойство главного действующего лица, пре-

поднесено автором «Доблести великанов» в своей максималистской форме – физическом устранении персонажа, который тебе противостоит.

*«At first we took this on faith,
But faith entered our flesh and blood;
This is what we wrote:
If he doesn't surrender, he has to be killed» [2, с. 5].*

В приведённом четверостишии эмотивный смысл «вера» как составная часть «Кодекса чести» в мировосприятии Дронго выступает сигнализатором двух метафорически выражаемых качеств:

1) Твёрдый – о врагах, точнее, тех, кто потерял не только веру в буквальном смысле этого слова, но и последние остатки совести. По мысли автора – это не люди, потерявшие способность думать, чувствовать, ставшие невосприимчивыми в результате сильного психологического потрясения, словно окаменевшие. Эту ложную «твёрдь» надо разбить, и потому ей открыто противостоят другие персонажи романа, обладающие, по мнению Ч. Абдуллаева, «истинной верой». Диктуется это прежде всего их поступками – уничтожить врага;

2) «Трудный» (в английском переводе в значении «трудная миссия» честных и убеждённых людей) – это мучительный, вызывающий душевные переживания и страдания процесс, требующий больших затрат физической и психической энергии, подобно тому, как тяжелый груз оказывает физическое давление, вызывая трудности при их преодолении. Далее по англоязычному тексту этого романа следует, что эмотивные представления, основанные на метафорических переосмыслениях признаков слов «твёрдый» и «трудный», являются в данном случае сквозными образами, характеризующие сложные обстоятельства жизни, напряженные и болезненные эмоциональные и физические состояния человека, горестные и печальные мысли.

Теперь обратимся к переводу на английский язык четверостишия в свете вышеотмеченных нами качеств, признаков. Нас в первую очередь интересует эпиграф. Это стихотворный эпиграф, и к нему, по нашему мнению, должно быть приковано особенное внимание критиков и переводчиков. Ведь в задачу нашей статьи входит выявление не только

достоинств, но и недостатков английского перевода. Итак, он не только подстрочный, но и «буквальный», однако, в данном случае вряд ли отвечающий самому духу первоисточника. Общеизвестно, что к переводам поэтической речи, в отличие от прозаической, следует подходить с иных мерок. Главное – избегать нарочитой последовательности лексико-грамматических установок. Нам хочется только напомнить к случаю пророческие слова В. Жуковского, что «переводчик в прозе раб, а в поэзии – художник» [5, с.13]. Это немаловажно в аспекте перевода.

Автор использовал отрывок одного из стихотворений К. Симонова о войне. «Свои» и «враги» оказались на разных полюсах, что отразилось, во-первых, в семантике стихотворения, во-вторых, – в ритмике и рифме. Однако английский вариант эпиграфа предстаёт белым стихом. Никакой рифмы по законам построения поэтического текста в английском языке здесь нет; в строгой последовательности переведено каждое слово, что в данном случае нецелесообразно. В процессе перевода иногда случается такое негативное явление: неверно избранная форма либо изначальный подход умножает ошибку. Как следствие, при выражении эмотивного смысла «веры», эпиграф завершается глаголом «to be killed» (быть убитым), или «to kill», что означает «убивать».

Но здесь на английском языке, нам думается, допущена типичная стилистическая неточность. Автор цитирует К. Симонова, и поэтому ни единого слова не изменяет и от себя ничего не добавляет. Между тем по тексту стихотворения следует:

*Мы сначала взяли это на веру,
Но вера вошла нам в кровь и плоть;
Мы так и писали:
«Если он не сдаётся, надо его заколоть»* [1, с. 5].

В свете избранного нами предмета исследования здесь нет, по Симонову, разрушения «Кодекса чести». Вера, тот есть убежденность в правоте своего дела, напрямую связана не только с физической, но и моральной ликвидацией врага. Один эмотивный смысл здесь умозрительно противопоставлен другому. «Заколоть», словно какое-нибудь животное, значит лишить его и жизни, и веры в победу. Такова мысль автора этого стихотворения, вставленного Чингизом Абдуллаевым в эпи-

граф. Поэтому в качестве последнего глагола непременно следовало употребить «stab» или «slaughter». Это и означает «заколоть», а автор стихотворения в целом поведение фашистов безоговорочно сравнивает с инстинктами животного. Что совершенно верно передано К. Симоновым по содержанию и не вполне точно – в английском переводе.

Далее, в строй эмотивной лексики интересующего нас концепта «Кодекса чести» входит слово однокоренное «вере» – «Доблесть». Если обратиться практически к любому Толковому словарю, то можно прочесть следующее: «Доблесть» – это почтение, демонстрация «рыцарской чести», свершение честного поступка. И если Дронго видит несправедливость, то открыто выступает против беззакония. Вот один из показательных образцов его речи:

«I've got one more important job in this city. I have to find who hurt Virginia. They had no right to do what they did», Drongo shook his head. «There are rules that should never be broken, even by gangsters. I'm sure they don't know what happened. Even the Cosa Nostra doesn't forgive such acts of violence. Traditionally they don't touch women and children» [2, с. 139–140].

Приведённый отрывок речи опосредованно воспроизводит эмотивный смысл «доблесть», как своего рода свода моральных норм и правил. По нашему предположению, не всегда можно фиксировать эмотивную лексику методом её последовательного перечисления в речи. Но в этом романе текстовая парадигма строится по принципу вне текстового (закадрового) использования эмотивной лексики, которую можно объединить под определённым тематическим названием.

Итак, не выходя за рамки «Кодекса чести» как доминанты всего текстового отрезка речи, первые два предложения вводят в структуру образа персонажа эмотивный смысл «обида». Это стержневое слово как бы обобщает суть первых двух фраз. Н. Бурвикова свидетельствует: «Наряду с наиболее часто встречающимися метафорическими номинациями, как-то: радость и печаль, успокоение и раздражение, покой и беспокойство, на крайних полюсах эмотивной лексики находятся также нежность и злоба, растерянность и сдержанность, обида и прощение» [6, с. 111–112]. Дронго объясняет собеседнику – Эдгару Вейдеманису, что «у него на сердце глубокая

рана, обида за издевательство над любимой женщиной – Вирджинией. И отныне его священный долг, согласующийся с собственным моральным «Кодексом чести» – отомстить обидчикам» [1, с.156-157]. В отличие от своих соперников, он не ищет альтернативных решений. Для него соблюдение правил «Кодекса чести» свято.

Если на примере предыдущего фрагмента мы отметили некоторые недостатки перевода, то здесь следует сказать о его достоинствах. На наш взгляд, переводчик проявил прозорливость в выборе именно тех лексем, которые входят в эмотивное поле указанного концепта. Среди них раскрытие центрального эмотивного смысла «обида» постпозитивным одиночным глаголом – «ранить» («To hurt»). В рамках статьи мы не имеем реальной возможности писать о целом ряде фрагментов, отвечающих поставленной проблеме. Однако на материале уже приведённых можно отметить такой факт: хотя в подлиннике нет указанного слова («Есть некие правила, которые нельзя нарушать, даже будучи бандитами»), переводчик учёл, что в других фрагментах этого романа Дронго говорит о нанесённой ему врагами ране. Они, собственно говоря, и спровоцировали обиду Дронго. Оказывается, наряду с «Кодексом чести» преданных своему делу и благородных людей, он отчасти соблюдается и некоторыми закоренелыми преступниками. Так, нанятый главой мафии Альфредом Прасси, киллер Виктор отказывается выполнить заказ – убить Д., мотивируя именно соображениями этического порядка. Между Виктором и поделником Прасси – Лучано происходит нелицеприятный диалог:

«- *Don't threaten me*», growled Victor. «*You won't get to shoot; I'll be first*».

«- *Why? Why are you turning it down?*» - Luciano said.

«*I don't want to do it*», Victor shrugged. «*I won't take money for a job I haven't done*».

«*Why?*»

«*I won't kill the expert known as Drongo*».

«*Have you met him? Is he your friend or acquaintance? May be he did you a favour in the past?*»

«*I don't know him personally*», Victor replied. ... *He's never done the dirty on anyone. He's always followed all our rules and agreements. He's well known outside our country too. Everyone knows that he acts not only according to the law, but according to our codes of honour. So none of us*

would accept the job of killing him, apart perhaps from the real shits. He's respected and whoever kills someone who's respected themselves. That's also a law of its kind». *I've answered your question, said Victor* [2, с. 46-47].

Проанализируем объёмный фрагмент этой беседы трёх действующих лиц: киллера Виктора, главы мафиозного клана Прасси и его работодателя Лучано. Текст, безусловно, насыщен эмотивной лексикой нравственно-этического порядка, которая последовательно проявляет себя по линии нарастающей интенсивности отдельных признаков. Прасси и Лучано нанимают Виктора с целью убийства Дронго. И неожиданно выясняется, что профессиональный убийца, на счету которого много заказных жертв, отказывается выполнить их требования. Для него уже имеется целый ряд «альтернативных решений». Причина отказа со стороны персонажа Виктора заключается в упомянутом «Кодексе чести», хотя это, на первый взгляд, плохо соотносится с моральным обликом убийцы. И тем не менее, проследим за сменой эмоций, подтверждающих это положение.

Признак «тяжелого взгляда» Виктора выражает образное представление, ассоциативно связывающее понятия значительной массы предмета, социальной значимости, содержательности, силы, влияния человека или явления. Многозначительная деталь, выделяемая Ч.Абдуллаевым и точно схваченная переводчиком: трое собеседников в своих кругах, имеют бесспорное влияние в обществе, авторитет. Это, кстати сказать, и в сопутствующих фрагментах речи подтверждается либо прямой, либо аналогом эмотивной лексики. Например: весомый, осязаемый, значимый, веский, значительный, убедительный, полновесный, проявляющийся в полную силу и т.д.

Однако перечень этой лексики опровергается одним метким словом-выпадом Виктора: «Don't threaten me». Хриплый голос Виктора («growled Victor») – это отнюдь не физический недостаток, а способность взять на себя груз ответственности за отказ от нового преступления. И угроза достигает своего апогея, когда Виктор говорит: «You won't get to shoot, I'll be first». Яркие, показательны крайние полюса чувств, с одной стороны выраженные глагольной формой – «won't get to shoot» («нежелание убивать») и «Why» – с другой

стороны. На трёх страницах английского переводного текста (46-48) эти лексемы (одиночные и в сочетании) повторяются несколько раз подряд. В структуре персонажа Виктора это означает нарастание угрозы; Прасси и Лучано – полное недоумение. Вопросительная форма только усиливает общее недопонимание персонажами сложившейся ситуации в целом. Встаёт вопрос: почему профессиональный киллер отказывается выполнить заказ за огромное материальное вознаграждение? Ответ лаконичен: бандит считает это прямым нарушением кодекса чести, неприемлемым условием для «честного джентльмена» и потому предлагает альтернативное решение – отказаться от денег и удалиться. Любопытно, что в одном из самых первых своих романов «Голубые ангелы» Ч. Абдуллаев, применяя эмотивную лексику, такой отказ со стороны мафиози назвал техническим термином «девиация», что означает «отклонение от нормы». Это отклонение сопровождается не только данный фрагмент, но и множество других отрезков речи романа «Доблесть великанов».

Интеллигентным с виду людям, прошедшим огонь и воду, отъявленный убийца разъясняет, что подлость и беззаконие несовместимы с понятиями чести даже для профессиональных киллеров. Это мотивируется такими словами и выражениями, как «according to our codes of honour», «dirty on anyone» и некоторыми другими. Однако у нас вызывает сожаление, что последнее выражение, следующее за «according to our codes of honour», не только отдалено от оригинала, но и разрушает меж-полевые эмотивные связи по линии синонимии, так как между ними уже нет необходимого смыслового сближения образных оснований.

Подтвердим сказанное, опираясь на соответствующие словарные статьи. Лексема «Dirty» имеет несколько значений: «скабрёзный»; «грязный»; «неприличный» [3, с.204]. Ни одно из этих значений не соответствует как подлиннику, так и содержанию текста в целом. Это слово чаще применяют при бесчестном поступке человека или его недостойном (непристойном) поведении. Но эта лексема объективно не должна ни при каких условиях переводиться как «подлость», что употреблено в оригинале. Необходимо отметить одну из потенциальных «каверз», подстерегающих переводчика; иногда принципиальная – со-

держательная (а не стилистическая) ошибка в переводе способна повлечь за собой другую, причём, более существенную. Так, последующее слово «anyone» здесь совершенно не на месте. Конечно, при обобщении на мета-текстовом уровне метафоризации признака переводчиком может быть то или иное слово, выражение переосмыслено. Таким путём переводчиком высвечивается индивидуальное ассоциативно-образное поле по данным текстовых лексических парадигм. Но это теоретическое положение, по нашему мнению, не должно быть возведено в абсолют.

«Подлость» следует правильно перевести, как «meanness», тем более что именно о подлом поступке идёт речь в русском варианте. В крайнем случае, возможно употребление таких имён прилагательных, как: «foul», «vile», «underhand» [3, с.204], но не «dirty».

Далее, «anyone» аналогично числительному «one», которое ставится по законам английской грамматики в конце предложения и в зависимости от цели высказывания выполняет роль союза или заменяет собой дополнение. В данном случае «anyone» («какой-нибудь») также вычленяется из общего контекста. Этой лексеме нет в русском тексте. По всей видимости, переводчик не обратил внимания на то, что в границах эмотивной текстовой парадигмы ключевым выражением в цитируемом фрагменте является «according to our codes of honour», которое, кстати сказать, переведено совершенно точно. Его и надо было вставить вместо лексемы «anyone». Или заменить на синонимичное слово «honorable».

Итак, на материале романа Ч. Абдуллаева «Доблесть великанов» можно видеть, как «Кодекс чести», являясь одной из специфических форм выражения эмотивных смыслов, в известной степени расширяет семантическое пространство художественного текста.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования эмотивной лексики в романе Чингиза Абдуллаева «Доблесть великанов» было установлено, что концепт «Кодекса чести» является ключевым элементом, формирующим образ главного героя — Дронго. Эмотивные слова, такие как «доблесть», «честь» и «слава», не только усиливают характеристику персонажа, но и служат

средством передачи авторского мировосприятия. Анализ эмотивной семантики показал, что эти лексемы соединены общими образно-ассоциативными и предметно-понятийными значениями, что делает их важной частью текстовой парадигмы.

Кроме того, сравнительный анализ оригинального текста и его перевода на английский язык выявил трудности, связанные с

передачей эмоциональной нагрузки и смыслового содержания. Это подчеркивает важность эмотивной лексики как средства создания глубокой эмоциональной связи между автором и читателем. В итоге, работа вносит значительный вклад в понимание взаимосвязи между языком и литературой, а также в исследование роли эмоций в художественном дискурсе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Abdullayev, Ch. (2018). *Doblest' velikanov* [The Valor of Giants]. Moscow: EKSMO (in Russian).
2. Abdullayev Ch. (2018). *Valiant giants*. Baku: Teas-Press.
3. N. d. (1992). *Anglo-russkij slovar'* [English-Russian dictionary]. Moscow: Russkij jazyk (in Russian).
4. Babenko, L., & Kazarin, Yu. (2006). *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of a literary text]. Moscow: Nauka-Flinta (in Russian).
5. Bolotnova, N. (1994). *Leksicheskaja struktura hudozhestvennogo teksta v asociativnom aspekte* [Lexical structure of the literary text in the associative aspect]. Tomsk: Publishing house of Tomsk State Pedagogical Institute (in Russian).
6. Burvikova, N. (1991). *Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovanija v aspekte opisaniya i prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo* Text as an object of linguistic research in the aspect of description and teaching of Russian as a foreign language]. In *Lingvisticheskie i metodicheskie problemy prepodavanija russkogo jazyka kak nerodnogo* (pp. 111–120). Moscow: Nauka (in Russian).
7. Kuharenko, V. (1988). *Interpretacija teksta* [Interpretation of the text]. Moscow: Nauka (in Russian).